

Такие ситуации случались уже не раз за все эти годы. Каждый раз, когда Гао Янь начинал верить, что здоровье Дун-дуна пошло на поправку, реальность неизменно приносила разочарование. Снова и снова, раз за разом. Гао Янь уже и сам не знал, в какой момент подобное положение дел окончательно сломит его.

Когда Дун-дун заснул, Гао Янь остался сидеть у кровати, оберегая покой ребенка. В комнате не горел свет, кондиционер тоже был выключен — лишь электрический вентилятор мерно гудел в темноте.

Во мраке мысли Гао Яня невольно вернулись к Лю И, к тому, как Дун-дун называл его вторым папой. Гао Янь подпер голову рукой. Сначала он не мог понять, с чего ребенок это взял, но, тщательно восстановив в памяти недавние события, вспомнил, что сам же когда-то рассказывал малышу о втором папе.

Гао Янь невольно усмехнулся. Конечно, если бы у Дун-дуна был второй папа, жизнь мальчика стала бы намного счастливее: нашелся бы еще один человек, который баловал бы его, жалел и играл вместе с ним в кубики. Но Лю И? Гао Янь почти ничего о нем не знал, хотя Ху Лянь как-то обмолвился, что Лю И очень любит детей и даже вложил средства в открытие детской больницы.

В тишине и темноте мысли часто сбиваются с пути. Гао Янь не любил строить догадки, но сейчас не смог удержаться: если бы Лю И и вправду был вторым отцом Дун-дуна, стало бы им легче?

Наверное, стало бы, — подумал Гао Янь. — Если бы папой Дун-дуна был не я, а Лю И, разве не был бы он счастливее?

Эта мысль задержалась в голове лишь на мгновение, а затем развеялась, как дым. Он выпрямился, посмотрел на спящего на кровати Дун-дуна и отогнал прочь уныние.

К чему эти раздумья? Его ребенок может принадлежать только ему!

На следующий день Гао Янь отправился в Хуажун, оставив ребенка под присмотром Сун Мина.

Не успел он дойти до главных ворот, как увидел Ху Ляня, ожидающего его у входа. Гао Янь подошел и поздоровался:

— Ждете генерального Лю?

Ху Лянь поспешно отмахнулся:

— Нет-нет, вас ждал. Пойдемте вверх.

Гао Янь почувствовал, что в поведении Ху Ляня есть что-то странное, но не мог понять, что именно.

— Что-то случилось?

— Не будьте таким официальным, идемте, — повторил Ху Лянь.

Они вместе поднялись на лифте. Три девушки на ресепшене сидели с непроницаемыми лицами, но стоило мужчинам пройти мимо, как одна из них прошептала:

— Говорила же, даже у менеджера Ху отношение изменилось.

Ху Лянь, как бы он ни нервничал, умел держать лицо. Его манера общения оставалась прежней, он как ни в чем не бывало завел какой-то пустой разговор. Гао Янь ожидал, что они направятся в конференц-зал на 23-м этаже, но Ху Лянь напрямик повел его на самый верх, в кабинет Лю И. Лю И там не было, и Ху Лянь, распахнув дверь, пригласил Гао Яня войти. Интуиция подсказывала Гао Яню, что сегодня все идет не по плану.

Ху Лянь усадил его на диван, сбегал за чаем, и когда подавал чашку, Гао Янь уже почти уверился: либо у Ху Ляня помутился рассудок, либо ему нужно сообщить что-то крайне важное.

Они сидели, беседуя о древностях. Гао Янь понимал, что Ху Лянь тянет время в ожидании босса, и поддерживал разговор, делясь допустимой информацией. Вскоре дверь открылась, и вошел Лю И. Оба, и Ху Лянь, и Гао Янь, одновременно поднялись. Увидев Гао Яня, Лю И замер, рука его так и осталась лежать на дверной ручке.

Ху Лянь, втайне вытирая пот со лба, тихо пробормотал:

— Генеральный Лю.

Лю И пришел в себя, вошел и закрыл дверь. Гао Янь отчетливо чувствовал: что-то не так. Он ломал голову, пытаясь понять, в чем дело — в нем самом или в странном поведении этих двоих.

Лю И сел напротив него на диван и машинально потянул за галстук, ослабляя узел. Ху Лянь, наблюдавший за этим, едва не лишился чувств: Неужели? Лю И собирается прямо сейчас открыться Гао Яню? Неужели нельзя было хотя бы подготовить почву?!

Для мужчины ослабить галстук — дело обычное, но в глазах Гао Яня, привыкшего видеть Лю И безупречно строгим и собранным даже в рабочее время, это выглядело странно.

Лю И пристально смотрел на Гао Яня, а тот отвечал ему тем же взглядом. Ху Лянь рядом нервничал больше всех: он чувствовал себя слишком много знающим секретарем, чья жизнь висит на волоске. Неужели ему суждено стать свидетелем сцены признания в родстве? О боже!

Лю И опустил взгляд на чашку с зеленым чаем перед Гао Янем. Тот уже было собрался заговорить о той самой денежной монете, как вдруг Лю И спросил:

— Дун-дун... как он сегодня?

Ху Лянь, сидящий рядом, глубоко вздохнул и с трудом сглотнул.

Гао Янь опешил. Он был поражен: Лю И интересуется Дун-дуном? Гао Янь приподнял бровь, скрыл недоумение и вежливо ответил:

— Благодарю за беспокойство, генеральный Лю. Сегодня ему намного лучше.

Тон Гао Яня был отстраненным и холодным. Если бы Лю И был просто его начальником, никто не нашел бы здесь ничего предосудительного. Но теперь, когда стало известно, что Лю И — отец ребенка, эти слова для посвященных звучали болезненно.

Ху Ляню было неприятно слышать такой сухой ответ. Он украдкой взглянул на Лю И, опасаясь, что тот выйдет из себя, но Лю И лишь спокойно кивнул:

— Хорошо. Больница полностью финансируется Хуажун. Когда будете возить туда Дун-дуна, все расходы возьмет на себя компания.

Голос Лю И звучал естественно, как и подобает начальнику, проявляющему заботу о подчиненном. Гао Янь кивнул:

— Спасибо.

Гао Янь передал монету, которую обещал принести на экспертизу, и коротко пояснил ценность инвестиции в монеты семьи Гао, а также указал, на что стоит обратить внимание при оценке. Его речь была четкой и логичной, и вскоре деловой разговор был окончен. Лю И пригласил его на выставку на следующее утро. Гао Янь согласился и, не теряя времени на пустую болтовню, ушел.

После ухода Гао Яня Лю И протянул монету Ху Ляню:

— Отнеси на экспертизу. А после обеда отправляйся с Лю Хэном в спортзал.

Ху Лянь замер. Спортзал? Это что, способ выбить из них двоих правду с помощью спарринга?

Ху Лянь поплелся прочь. Лю И остался один. Он смотрел на чашку с зеленым чаем, из которой еще поднимался пар. Он вспомнил утренний разговор с Ван Иньчэном, мужем Лю Хэна: Найти ребенка — это, конечно, хорошо. Но задумывался ли ты, примет ли это семья ребенка?

Раньше Лю И об этом не думал. Всю ночь он представлял себе Дун-дуна — его круглые глазки, пухлые щечки, то, как он плакал, называя его папой, как капризничал, когда ему помогали снять штанишки... Слова Ван Иньчэна ударили его, словно гром среди ясного неба.

Действительно, он всегда хотел ребенка, и появление Дун-дуна было для него даром небес. Но Гао Янь? Сможет ли он это принять? Лю И попытался поставить себя на место Гао Яня, который столько лет в одиночку тянул сына на себе. Смог бы он сам принять другого отца, внезапно возникшего на пороге?

Нет, это невозможно!

По дороге в офис Лю И всю дорогу мучился сомнениями. Ему было легко составлять отчеты, но вопрос о ребенке и Гао Яне вызывал лишь тревогу. Однако в тот миг, когда он вошел в кабинет и встретился взглядом с глубокими темными глазами Гао Яня, в его голове вдруг мелькнула мысль:

А если бы Гао Янь был другим человеком, были бы все эти вопросы такими уж неразрешимыми?

Вернувшись домой, Гао Янь застал Сун Мина, который переодевался в гостиной. Его майка висела на спинке кресла, а сам он с усмешкой смотрел на беснующегося на диване ребенка.

Гао Янь открыл дверь, и Дун-дун, дернув шеей, громко закричал:

— Папа!

Гао Янь переобулся, потрепал сына по голове и спросил Сун Мина:

— Зачем ты следишь, как он переодевается?

Сун Мин закатил глаза и ткнул пальцем в голову Дун-дуна:

— Ты сам спроси у своего «медвежонка», что он вытворял этим утром! — продолжая ворчать, он натянул майку.

Гао Янь сел, Дун-дун тут же прижался к его ногам, обнимая своего плюшевого мишку. Он поднял голову, хлопая глазами, и посмотрел на отца с невинным видом, словно говоря: Папа, я вообще ничего не делал.

Сун Мин хлопнул Дун-дуна по макушке:

— Не смей строить глазки! Не поможет! Все равно расскажу папе!

Дун-дун повернулся к Сун Мину, сморщил нос и тихо фыркнул:

— Я так и знал! Дядя Сун — предатель! Самый большой предатель!

Сун Мин, рассмеявшись, потискал его за щеки:

— Какой же я предатель? Я самый любящий дядя на свете! Ну же, крошка, поцелуй дядю.

Он наклонился, но Дун-дун тут же спрятался за руку отца, нахмурившись и с явным отвращением прошептал:

— Папа! У дяди Суна пахнет изо рта! Фу!

Сун Мин, человек без комплексов, который мог вести себя серьезно с Гао Янем, но превращался в клоуна рядом с ребенком, лишь рассмеялся. Гао Янь, притянув сына к себе, с таким же выражением безразличия посмотрел на друга:

— Уходи уже, наелся чеснока и лезешь целоваться к моему сыну!

Сун Мин выпрямился, поправил одежду и с самым серьезным видом заявил:

— Даже если я наелся чеснока, я все равно остаюсь дядей Суном для Дун-дуна.

Дун-дун громко добавил:

— Ты вонючий дядя!

Сун Мин, «убитый» таким ответом, понуро поплелся к выходу. Гао Янь прижал сына к себе, проверяя лоб — температуры не было, и он наконец выдохнул. Оглядев разбросанные игрушки и кучу нестиранного белья на балконе, он строго спросил:

— Пока папы не было, ты опять хулиганил?

Дун-дун тут же изобразил невинность, прижался к руке отца и замурлыкал:

— Дун-дун был очень послушным!

Мальчик привык использовать обаяние как щит. Он знал, что стоит ему проявить ласку, как папа перестанет ругаться. Гао Янь смотрел на него и не мог заставить себя быть строгим. Он никогда не наказывал сына, даже не повышал голоса. Отчасти из-за слабого здоровья Дун-дуна, отчасти потому, что у того почти не было друзей, и он привык к одиночеству.

Дун-дун послушный? Очень. Но не потому, что у него такой характер, а потому, что его мир ограничен домом и больницей. Его слабость не позволяла ему быть таким же активным и шумным, как другие дети. Здоровье сына было тем самым камнем, который давил на сердце Гао Яня, и он не знал, когда этот груз наконец станет легче.

На следующий день Гао Янь сопровождал Лю И на выставку. Проверив информацию в сети, он понял, что это та самая выставка иностранной делегации, о которой упоминал Сун Мин.

Гао Янь привык все тщательно планировать, предпочитая долгую подготовку внезапным атакам. Поэтому в вопросах, касающихся Лю И, он не торопился, обдумывая долгосрочную стратегию.

После того как Дун-дун проснулся, Гао Янь повез его в оздоровительный центр.

— Папа, мы едем в больницу? — спросил мальчик, пока отец одевал его.

Гао Янь кивнул. Дун-дун вдруг радостно захлопал в ладоши:

— Здорово! Значит, я снова увижу второго папу!

Гао Янь стал серьезен:

— Дун-дун, нельзя так называть незнакомых людей. Понял?

Он был действительно недоволен. Раньше он не мог запретить ребенку фантазировать, но сейчас, когда ситуация стала серьезнее, он не мог позволить Дун-дуну вести себя так опрометчиво. Лю И — его начальник, и если он проявляет доброту к ребенку, это одно, но если Дун-дун начнет называть его «вторым папой», это вызовет ненужные слухи.

Гао Янь дорожил покровительством Лю И, но он не собирался торговать сыном ради карьеры. Он четко разделял эти вещи.

Дун-дун, впервые увидев отца таким строгим, испугался. Он закусил губу, глаза наполнились слезами, и он тихо кивнул:

— Понял.

В полдень стояла невыносимая жара. Гао Янь надел на Дун-дуна кепку и маску. В такси и в холле центра работали кондиционеры, но пока они добирались от дома до машины, а потом от ворот до входа, мальчик весь взмок и обессиленно прислонился к плечу отца.

В холле Гао Янь поспешно снял с него маску. К ним подбежала медсестра в розовой форме:

— Что случилось?

— Простудился вчера, а сегодня на жаре долго ждали такси, — ответил Гао Янь.

После осмотра врач сказал, что ничего страшного нет — просто перегрев. Нужно продолжать пить лекарства и больше воды. Медсестра принесла апельсиновый сок, Дун-дун жадно прильнул к трубочке, и вскоре ему стало лучше. Гао Янь вздохнул с облегчением.

Они зашли в кабинет к врачу, чтобы узнать о плане лечения. К удивлению Гао Яня, программа была не только готова, но и расписана на три месяца вперед. Среди врачей, обсуждавших план, он заметил пожилого специалиста с бейджем «Заместитель главврача».

У Гао Яня возникло странное чувство, будто его ослепили. Неужели Дун-дун удостоился такого внимания только из-за связей Лю И? Пока врачи совещались, Дун-дун сидел у него на коленях и допивал сок.

Заместитель главврача наклонился к Гао Яню, улыбаясь:

— Не волнуйтесь, все хорошо. Генеральный Лю скоро будет здесь.

Гао Янь: «...»

Лю И в это время был в спортзале. Он как раз закончил бросок через бедро и прижал Лю Хэна к полу, когда к нему подбежал Ху Лянь с телефоном:

— Гао Янь привез Дун-дуна в больницу.

Лю И замер, тут же отпустил Лю Хэна и, не говоря ни слова, направился в раздевалку.

— Говори, — бросил он в трубку.

Заместитель главврача доложил:

— С ребенком все в порядке, просто перегрелся. Сейчас он проходит обследование.

Лю И шагал к выходу. Услышав про перегрев, он нахмурился:

— Что он сейчас делает?

— Оценка психоэмоционального состояния. Скоро переведем в палату наблюдения, — врач понизил голос. — Кажется, малышу очень нравится наш апельсиновый сок.

Лю И серьезно спросил:

— Растворимый?

Врач вытер пот со лба:

— Что вы, конечно, свежавыжатый.

Лю И улыбнулся, представляя пухлые щечки Дун-дуна, пьющего сок.

— В какой палате он будет?

— У нас есть обычная и изолированная. В обычной больше детей, оценка будет точнее, но там шумнее. В изолированной тише, но результат может быть менее достоверным.

— В обычную, — ответил Лю И.

Врач добавил:

— Я подобрал группу детей трех-четырёх лет, чтобы ему было комфортнее.

«Детей его возраста?» Лю И, уже коснувшийся дверной ручки, замер. Он развернулся и, не обращая внимания на опешившего Ху Ляня, решительно зашагал обратно.

— Делай все как сказал. Я сейчас буду.

<http://bllate.org/book/21448/2191874>